

НАУКА ТРЕБУЕТ ОБЪЕКТИВНЫХ КРИТЕРИЕВ

О том, что науке выделяется недостаточно средств, говорится много и постоянно. Но что могут сделать сами ученые, чтобы улучшить ситуацию в этой сфере? Этот вопрос обсуждали участники круглого стола, состоявшегося в редакции "ГА".

Анаит ТОНОЯН, доктор химических наук, профессор:

- Нас очень беспокоит состояние науки. В научном сообществе принято считать, что на позитивные изменения рассчитывать не приходится, поскольку все зависит от финансирования. А сверху нам объясняют, что проблема дефицита средств обусловлена тем, что в сфере науки слишком много бездельников, людей непродуктивных и бесполезных, но оплачиваемых. Предполагается предложить адекватную систему оплаты научных сотрудников. В России это уже сделано. Действуют критерии, по которым определяется статус ученого.

У нас этого нет. Государственный комитет по науке делает все возможное, чтобы внедрить принятые в мире критерии, однако по понятным причинам это устраивает не всех. Но если мы не введем объективные, принятые в мире критерии оценки ученого, причем не только международные, но и свои, то ничего не добьемся. Нередко говорится и о необходимости сокращений. Но не мы должны решать, кого следует сократить. А если будут введены четкие критерии, то вопрос сокращений будет решаться объективно и это послужит стимулом к более продуктивной работе.

Теперь о научных журналах. За редким исключением их уровень не выдерживает никакой критики, поэтому не приходится удивляться тому, что наши активно работающие ученые публикуются исключительно в зарубежных изданиях. Их оскорбляет соседство с никчемными публикациями, плагиатом, которым изобилуют статьи многих молодых ученых.

Госкомитет активно старается привести научное поле Армении к международным стандартам по критериям научных работ, установленным в американских и европейских расчетных организациях. Это справедливо и необходимо. Причем во всем мире подобные критерии используются, они объявляются открыто. Каждый знает свой импакт-фактор, знает, на что он может претендовать, а на что - нет.

Мне хочется предложить еще один критерий – внутренний, армянский. В принципе подобное практикуется и в России, и в Грузии. У нас определенные шаги в этом направлении были предприняты – некоторым армянским журналам, имеющим соответствующий уровень и вызывающим интерес у западных ученых - имеется в виду

цитируемость, - были даны соответствующие оценки импакт-факторов. Например, Армянский химический журнал НАН РА, Известия НАН РА и ГИУА. Хотелось бы, чтоб эти критерии применялись при подсчете импакт-фактора армянских ученых в качестве внутренних критериев.

Отмечу, что часто эти журналы, несмотря на достаточно сильный и грамотный состав редакционных коллегий, нуждаются в помощи экспертов со стороны (в случае спорных рецензий) и, конечно, в том, чтобы хотя бы редко туда попадали статьи, рассчитанные на отсылку в международные журналы высокого статуса. Подобные статьи еще больше подтвердят уровень данного журнала, и в конце концов это приведет к тому, что они получают международный импакт-фактор. Подобные журналы есть в Грузии, но я не могу утверждать, что они сильнее, однако с уверенностью отмечу, что грузинские ученые более патриотичны в отношении науки своей страны.

Хотелось бы также еще раз остановиться на вопросе научной репутации Армении. Авторефераты для защиты кандидатских и докторских диссертаций публикуются на армянском языке, а затем посылаются не только в академии наук постсоветского пространства, но и их библиотеки, размещаются в интернете. Допустим, в Казахстане или в России получают автореферат на армянском. Представляете реакцию?! Причем очень часто публикации из интернета переводятся на армянский и представляются в качестве своих работ. ВАК уже не может выявить плагиат. Чего мы добиваемся? О какой науке может быть речь? Я предлагаю печатать авторефераты в переводах, например, на русский, английский, немецкий, французский...

Армен НЕРСИСЯН, доктор физико-математических наук:

- Вы предлагаете улучшить администрирование, чтобы увеличить зарплаты сотрудникам. Но я считаю, что когда мы говорим об улучшении состояния науки Армении, то в первую очередь это касается не повышения зарплаты научных сотрудников. Тут у нас две серьезные проблемы - психологическая и институциональная. Социальный смысл занятий наукой состоит в привлечении научных работников к образованию и подготовке кадров. И если этого не происходит, то научное сообщество становится общественно беспомощным, а социум научных работников превращается в замкнутую маргинальную группу. Одновременно деградирует и система высшего образования.

Мы унаследовали много анахронизмов, одним из которых является разделение науки и университетского образования. В результате сохранения такого подхода мы имеем фактически распавшееся и политически маловлиятельное сообщество научных работников. В таких условиях научное сообщество деградирует, теряет лидеров, формируется достаточно многослойная вертикаль управления как университетом, так и наукой с явно проступающими элементами азиатчины. В таких условиях говорить об улучшении администрирования бесполезно. Поэтому научное сообщество теряет способность к самовоспроизводству, оно не в состоянии продуктивно действовать и выполнять предназначенную ему роль в системе образования.

Улучшить ситуацию возможно двумя способами. Один - это конвергенция или объединение научных институтов и университетов. Наши университеты огромные, с очень высокой административной структурой. Низовые элементы представляют собой либо тех, кому давно пора на заслуженный отдых, либо исходно малоквалифицированных научных работников, которые не заинтересованы во взаимодействии с действующей наукой. Административное распределение противоречит самому духу науки. У нас же происходит крайняя централизация управления, в то время как у научных сотрудников должно быть достаточно много свободы выбора своих направлений.

Второй путь - придание научным институтам в обязательном порядке каких-то образовательных обязанностей или функций на уровне подготовки аспирантов и магистрантов. Возможно, со временем успешные институты могут объединиться в нечто более широкопрофильное и образовать новый университет. Второй путь - как бы компромиссный - мне представляется очень уязвимым, и, как правило, при определенном успехе подобные установленные связи очень легко могут быть разрушены.

В заключение хочу сказать, что у нас нет проблем финансирования. У нас проблема в умах, в культуре сообщества и в степени его важности.

Арам МИКАЕЛЯН, кандидат химических наук:

- Прошедшие 25 лет показали, что заниматься академической наукой в вузах неэффективно. Мы все очень хорошо знаем проблему часов, нагрузок. Посмотрите, что творится на заседаниях кафедр, которые распределяют магистрантов и аспирантов. Это кошмар. Необходимо соблюдать четкие, справедливые и открытые правила игры. Надо публично заявить, что магистр имеет право сам выбирать руководителя и тему. Аспирант также. Давайте сформулируем для продвинутой научной элиты приемлемые правила игры. По-другому не получится.

Завен КАРАЛЯН, доктор биологических наук:

- Правила игры должны быть абсолютно открытыми. ВАК может сказать, что принимает статьи только из журнала Medline. Все, этого достаточно. У нас каждый год защищаются десятки диссертаций. Из них 2-3 сильные. Но ВАК это не надо, потому что тогда эта структура потеряет смысл. Можно будет защищаться по списку публикаций. Необходимо прекратить дурацкие публикации. Это первое. Второе. Человек, который считает, что занимается наукой, обязан публиковать свои статьи в рецензируемых журналах. Причем рецензия должна быть написана не его друзьями. И третье. Финансирование науки в Армении вполне достаточное, но оно должно быть привязано к публикациям в серьезных журналах.

Арам МИКАЕЛЯН:

- Заниматься одновременно преподавательской работой и наукой очень тяжело. У нас распределение магистров и аспирантов происходит не по научным критериям и без учета исследовательских возможностей вуза. Распределение магистрантов и аспирантов происходит без участия руководителей базовых лабораторий. Так во всех вузах. В этом аспекте трудно понять ангажированных, заинтересованных молодых людей, которые хотят сделать карьеру, получить знания. Невозможно держаться только на старых кадрах, это далеко не всегда хорошо. Нужно молодое пополнение. Привлечение молодых ученых для серьезного занятия наукой чаще всего происходит субъективно, не на основе объективных данных.

Мадлена АВАКЯН, доктор химических наук:

- Уже несколько лет, как соединили два академических института - Институт органической химии с Институтом тонкой органической химии им. Мнджояна. Каждый год к нам поступают на работу молодые руководители лабораторий, и мы делаем все возможное, чтобы они защитились. В среднем за 5-6 лет они защищаются. Но сразу после этого уходят. Остаются пожилые. Никто из молодых оставаться в науке не хочет. Я думаю, дело в низких зарплатах.

Анаит ТОНОЯН:

- Эту проблему можно решить при помощи грантов.

Армен НЕРСИСЯН:

- Ваша лаборатория сопоставима с аналогичной лабораторией Принстона, Гарварда? Если у молодого человека есть возможность уехать, почему же нет?

Левон ЕПИСКОПОСЯН, доктор биологических наук, профессор:

- Когда мы говорим о какой-то цели, то необходимо четко понимать, как ее достичь. Существует проблема финансирования. Я по этому поводу всегда цитирую древнюю мудрость: "Если есть какая-то проблема, которую невозможно решить, то ее надо обойти. Если проблему можно решить, надо найти методы ее решения". И нам надо разобраться в этом. Сегодня нельзя решить проблему увеличения доли бюджета на науку. Невозможно, и все. Надо доказать эффективность использования тех денег, которые нам выделяют. И тогда уже будет видно, что, если увеличится финансирование, это будет оправдано. У меня есть конкретные предложения.

То, что нам паразиты нужны, - это факт. Гашек говорил устами Швейка: "Как хорошо, что не все люди добрые. За право первым делать добро они перегрызли бы друг другу горло". Нельзя, чтобы в научной сфере все были бы лидерами. Кто-то должен быть ведущим, а кто-то ведомым. Я считаю, что нужно эффективно тратить средства. Во-первых, нам нужно, чтобы люди поняли: поднимать зарплату за счет сокращения штатов неправильно. Другое дело, что истинные лидеры должны находить понимание и поддержку. Наука - это творческая деятельность, в науку не приходят зарабатывать деньги. В науку приходят реализовать себя. Хотите заработать, идите в бизнес.

Многие задают вопрос: почему отношение к науке у нашего руководства плохое? Я говорю, что это не так. Власти очень заинтересованы в развитии науки. Наверное, поэтому наши чиновники на разных уровнях стараются защититься.

Анаит ТОНОЯН:

- Закономерность Гауса. Это что? Распределение и среднестатистический показатель. У нас среднестатистическая кривая пошла в плохую сторону.

Левон ЕПИСКОПОСЯН:

- На уровне наших институтов эту проблему не решить, тем более на законодательном уровне сверху. Это надо решить в каждой ячейке.

Анаит ТОНОЯН:

- Надо поставить барьеры для плохих публикаций, с такими статьями нельзя защищаться.

Рузан АСАТРЯН, начальник управления организации научной деятельности Государственного комитета по науке РА:

- На эти вопросы лучше ответил бы представитель ВАК, но думаю, что присвоение ученых степеней - многоуровневая процедура, и наличие публикаций – один из критериев соответствия ученого званию. Защита диссертации и наличие публикаций – не одно и то же. Защита диссертации подразумевает детальное обсуждение в соответствующих специализированных советах, где есть возможность оценить, соответствует ли то или иное лицо степени кандидата или доктора наук. Человек может иметь очень хорошие статьи, но совет может не пропустить работу. Каждая инстанция должна выполнять свою

функцию. Роль ВАК, грубо говоря, - устанавливать соответствующие правила и следить за тем, чтобы эти правила неукоснительно соблюдались.

- Анаит ТОНОЯН:

- Но некачественные статьи очень сильно усложняют работу спецсовета. 10 лет я была организатором Ениколоповских чтений. Мы выпускали очень хорошие тезисы. Все, что касалось пленарных докладов, рецензировалось и хорошо проходило, а вот брошюры я уже не успевала рецензировать. Я ходила в ВАК, просила, ругалась, чтобы мою работу вытащили из ВАК, чтобы ее не считали, чтобы не создавать другим трудности.

Рузан АСАТРЯН:

- Но сейчас мы обсуждаем вопросы защиты диссертаций. Есть вещи, которые никакими законами и подзаконными актами невозможно отрегулировать. Большую роль играют вопросы научной этики, объективности, компетентности, принципиальности и, если хотите, ответственности научного сообщества. Научное сообщество – это самая интеллектуальная и сознательная часть нашего общества, и она тоже должна брать ответственность на себя.

Армен НЕРСИСЯН:

- Сообщество, наука и образование разделены. Это серьезная проблема.

Левон ЕПИСКОПОСЯН:

- Я закончу список своих предложений относительно повышения эффективности. Сегодня Госкомитет старается разграничить сугубо арменоведческие, то есть гуманитарные направления нашей науки, и естественные. В естественных науках сегодня мы имеем больше возможностей для международного сотрудничества. В арменоведении международное сотрудничество очень сильно ограничено. За исключением, наверное, археологии. В арменоведении существуют разные подходы, разные теории, даже разные идеологии. В химии не может быть слишком разных идеологий, могут быть только разные мнения. А в арменоведении они есть, и тут возможны очень глубокие расхождения. Поэтому нам надо подумать и о том, как повысить эффективность арменоведческих исследований.

Мое мнение следующее: надо работать целенаправленно, необходимы как политические, так и государственные усилия. У нас все-таки должен быть Общеармянский фонд арменоведческих исследований. Если сегодня он и есть, то практически не работает. Мы знаем все арменоведческие фонды. Есть фонд в Мичигане при университете, например. Мы, к сожалению, не используем финансовые возможности диаспоры. Есть хороший фонд при Южно-Калифорнийском университете. Но они дают финансирование, например, по теме внутрисемейной тирании или на прочие подобные темы. Это те темы, которые соответствуют стандартам так называемой западной демократии.

По существу, у нас арменоведческих международных фондов не существует. И мы ждем с нетерпением Fast-a, фонда, которым будет руководить Рубен Вартамян, но как этот фонд будет функционировать – тоже большой вопрос. Он должен был начать работу еще год назад или в этом году. Дело затягивается. И еще: докторские диссертации нужно защищать не так, как это происходит сегодня. Человек тратит огромное количество времени для написания докторской. Докторскую диссертацию надо защищать так, как защищают в Англии, – по совокупности работ. То есть речь идет о расширенном автореферате – и все. Человек, завлаб, должен тратить время на то, чтобы писать

докторскую, отнять это время у своих аспирантов, у своих сотрудников – этого не нужно делать.

Рузан АСАТРЯН:

- Мы говорим в основном правильные вещи. Мы начали с рейтинга журналов, говорили о том, что надо принимать конкретные журналы с конкретным рейтингом. И я так поняла, что предложения касались наших республиканских журналов. То, что касается области естественных наук, здесь сложностей значительно меньше. Потому что есть цитируемость, есть хорошие журналы за рубежом с высоким рейтингом. Множество наших ученых там успешно печатаются. Здесь проблем нет. Я полностью согласна с тем, что журналов у нас много и надо как-то определиться с их рейтингами. Это действительно надо делать. Но я не думаю, что это должно происходить только на общественном уровне, но очень хорошо, что этот вопрос поднимают именно ученые. В любом случае если это делать, то стоит серьезно обсудить все нюансы. Многие наши ученые считают, что список журналов ВАК слишком обширный, что туда входят журналы, не соответствующие серьезным требованиям и от этого снижается качество, уровень защищаемых диссертаций, который зависит не только от журналов, принимаемых ВАК, но и от заинтересованной работы наших ученых, конкретно – членов совета, оппонентов и т.д. Проблема, по-видимому, есть, и это требует обсуждения.

Другой вопрос - научная экспертиза при проведении конкурсов Госкомитета. То, что Госкомитет имеет хорошую базу экспертов – в этом, по-моему, никто не сомневается. Мы считаем хорошую научную экспертизу одним из наших достижений. Возможно, здесь есть еще поле для работы, но мы движемся в правильном направлении. Это хотелось бы отметить. Что касается рецензирования статей, то этот вопрос лежит в той же плоскости, что и вопрос рейтинга журналов.

Вернусь к вопросу конвергенции науки и вузов. Традиционно система науки и система образования у нас существуют институционально разобщенно. Не знаю, анахронизм это или нет, но это так. К этому вопросу надо подходить очень осторожно, обдуманно, чтобы не разрушить то, что есть. Но, конечно, надо проблему решать. Я считаю, что лучший преподаватель – это тот, кто активно занимается наукой. Я по-другому просто не представляю себе преподавателя вуза, в этом одно из отличий высшего образования от среднего. Вы, наверное, слышаны о том, что есть идея создания исследовательского университета. Она очень активно обсуждается, уже подготовлена концепция. Мы считаем, что такой университет должен впитать в себя все достойное, что есть у нас и в хороших западных университетах. Такой университет должен обладать мощным научным потенциалом, экспериментальной и инновационной базами.

Хочу также остановиться на вопросе смены поколений в научных организациях. Скажу, что делает Госкомитет: в наших грантовых программах обязательным условием является участие в проектах как минимум одного молодого сотрудника. Это очень правильный шаг. Есть также специальные гранты для групп молодых ученых. Делается очень многое. Что касается утечки молодых ученых из сферы науки, то да, проблема есть, и она серьезная. По нашим подсчетам, лишь около 17-20% молодых ученых, защитивших диссертации, остаются в науке. Причем вопрос не только в зарплате, но и в возможностях занятия передовой наукой, например, оснащенности лабораторий. Проблема серьезная, но пока я не вижу реального пути ее решения. Кстати, эта проблема есть во многих странах. Недавно один немецкий коллега жаловался на то, что из Германии молодые ученые уезжают в Америку.

Между тем мы говорили о рейтингах журналов, но не говорили о рейтингах институтов. Обратите внимание: самое большое финансирование у нас – базовое. То есть огромная часть денег уходит на содержание институтов. И здесь распределение средств во многом зависит от числа штатных единиц. Может быть, решение вопроса в том, чтобы создать институтам стимул для более эффективной работы. Не только отдельные ученые или группы ученых должны иметь этот стимул, но в первую очередь именно институты. То есть должно быть так: чем лучше результаты у института, чем больше хороших публикаций и реального прикладного продукта, тем больше финансирование. Возможно, в таком подходе и заложен выход из ситуации. Эту идею я предлагаю обсудить.

Арам МИКАЕЛЯН:

- Я хотел бы сказать насчет базового финансирования. Это справедливо, что большую часть занимает базовое финансирование. Но давайте уточним: если это базовое финансирование, то что, в принципе, хочет государство от нас? Я армянский ученый, я патриот своей страны, чего вы ждете от меня? Того, что я напишу, или же есть какие-то специальные задачи, которые я должен выполнить? Тогда определите эти специальные задачи для ученых. Я хочу быть полезным. Есть объективные критерии, чтобы оценить продуктивность базового финансирования? И вот еще что: академическая наука, конечно, нужна. Это глупость, когда говорят, что академическая наука нам не нужна и надо переходить только на прикладные направления. Но так не бывает. Каждое прикладное исследование основано на каком-то фундаментальном. Без этого невозможно. Если какая-то научная школа состоялась, уничтожать ее глупо.

Рузан АСАТРЯН:

- Как раз сейчас наше правительство намерено поощрять прикладные исследования, направлять в эту сферу серьезное финансирование, развивать прикладную науку. Мы разработали новую форму заявки на получение финансирования, где нужно указать - какая часть финансирования предназначена для фундаментальных исследований, какая – для прикладных. В одной и той же предложенной нами форме можно заполнить заявку на фундаментальное и прикладное исследование либо на то или другое. Главное в этом направлении – чтобы прикладные исследования стали действительно прикладными, чтобы они имели серьезные шансы на применение.

Армен НЕРСИСЯН:

- Абсолютное большинство так называемых прикладных исследований в Армении оказалось очковтирательством.

Рузан АСАТРЯН:

- Нет, это не так. В Советской Армении прикладные исследования успешно проводились в институтах, имевших отношение к конкретным производствам, например, к тому же заводу “Наирит”. Были ведомственные институты, которые проводили именно прикладные исследования. Вообще-то надо работать в направлении создания системы формирования заказа на прикладные исследования, и не только со стороны государства, но и частного сектора экономики.

Анаит ТОНОЯН:

- Благодаря финансированию Госкомитета по науке на протяжении 6-7 лет мы делали серьезную фундаментальную работу. Сейчас она перешла в практическое поле.

Вы говорите, надо указывать заранее – прикладное или фундаментальное исследование ты выполняешь. Но если бы я заранее поставила перед собой такую задачу, я бы не получила результатов.

Рузан АСАТРЯН:

- Нет, никаких препон нет. Вопрос касается того, чтобы на определенном этапе предвидеть прикладное значение, перспективы применения. Вы как ученый, как исследователь должны иметь представление о том, в какой отрасли или области знаний может найти применение результат тех прикладных исследований, которыми вы занимались на протяжении семи лет. В форме заявки есть и фундаментальная часть, и прикладная. Когда прикладная часть уже реально прогнозируема, ее надо указать. Требуется больше конкретики. Об этом идет речь.

Левон ЕПИСКОПОСЯН:

- Давайте вернемся к тому, с чего начинали: как помочь армянской науке? Есть наиболее простой способ. Объединение институтов с университетами невозможно, строительство на базе имеющихся институтов исследовательского университета – это тяжелый, долгий процесс, который, как я понял, почти никто не приветствует. Есть третий, наименее болезненный способ: каждый должен приложить свои персональные усилия, чтобы своих или чужих студентов послать за рубеж, чтобы они там поучились. А вот когда станет получше, чтобы было кому возвращаться. Если бы каждый из нас сумел в год пристроить в относительно хорошем университете или институте двух студентов, это было бы замечательно.

Армен НЕРСИСЯН:

- После Второй мировой войны в Японии серьезно задумались над тем, что можно улучшить. У них была очень запущенная система образования, университеты были хуже, чем наши. Было принято решение создавать частные университеты с участием государства. И они начали создаваться. Так вот в рамках этого плана по возрождению Японии одним из главных пунктов было создание университетов, которые не основаны на старой системе образования. Сегодня диплом частного университета в Японии ценится выше, чем диплом государственного. Мы должны были создать нормальный университет с участием государства, но частный.

Левон ЕПИСКОПОСЯН:

- Американцы попытались в оккупированной Германии внедрить систему частных университетов. У них ничего не вышло. Все сносные университеты Германии – так или иначе государственные. То, что хорошо для немцев, плохо для французов и т.д. Необходимо принять разные критерии для естественных и для гуманитарных наук. Одни и те же подходы не могут применяться в совершенно разных науках. Об этом мы говорили. Но обязательно надо учесть следующее: арменоведением будет и должна заниматься только Армения, и центры арменоведения должны быть в Армении. Мы за 25 лет независимости этого не сделали, но мы должны это сделать. Второе: в естественных науках мы должны поощрять и делать все возможное, чтобы расширять международное сотрудничество. Сегодня и в моей лаборатории, и в лаборатории Завена Караляна или в лабораториях молекулярного экспериментального направления невозможно обеспечить наличие всей современной аппаратуры. Либо должны быть какие-то национальные центры, но пока мы до этого тоже не дошли.

Анаит ТОНОЯН:

- Я думаю, все-таки внутренний критерий не помешал бы. Очень хорошо этим занимаются в Госкомитете. Человек с нулем по Скопусу может очень много сделать по другим критериям. Но поскольку у него оценка “ноль”, это вызывает отторжение. Чтобы такого не было, возможно, стоит ввести и другие критерии: бесплатное рецензирование и т.д.

Арам МИКАЕЛЯН:

- Нам придется уточнить правила игры, сделать их более четкими. До сих пор эти правила разнятся. Например, в сфере естественных наук следует определиться, на основании каких критериев мы считаем ученого продуктивным? Я очень ценю первые шаги, сделанные со стороны Госкомитета. Никак не хочу нивелировать этот вклад. Но все равно вопросы остаются. Публикации очень важны, надо публиковаться, но критерии должны быть все-таки те, которые приняты в международном научном сообществе. При оценке ученых надо, во-первых, руководствоваться такими критериями, как в каких изданиях ты печатаешься, имеет ли исследование хотя бы малейшую возможность найти практическое применение, то есть имеется ли какая-то прикладная, инновационная ценность. Еще очень важно уточнить правила в вопросе получения научных степеней.

Завен КАРАЛЯН:

- Я практически полностью согласен с Арамом Микаеляном. Нужны единые правила игры, абсолютно открытые и максимально простые, чтобы человек сразу мог сориентироваться. И высокая планка – этого достаточно.

Анаит ТОНОЯН:

- На одном из круглых столов "ГА" уже обсуждался вопрос: кто может стать заслуженным деятелем науки? Мы говорили о том, что пока у человека оценки хотя бы 4 по индексу Хирша не будет, он не может на это рассчитывать по критериям Госкомитета. Но и мы сами должны брать на себя определенную ответственность. Если у нас нет оценок 4 или 5, то хотя бы в Госкомитет мы не должны обращаться. Допустим, есть эта оценка. Кроме этого, нужно дать людям, которые работают, но не знают, скажем, английского языка, возможность, чтобы их заметили. Может быть, ввести строгие критерии, чтобы они что-то делали на общественных началах. Если человек что-то из себя представляет, нельзя допустить, чтобы он чувствовал себя не оцененным.

Армен НЕРСИСЯН:

- Выход для науки я вижу в придании научным институтам образовательных функций. Если институт не тянет, пусть на его базе создадут техникум, профтехучилище, может быть, лицей. Но без придания научным институтам образовательных функций говорить о будущем науки не приходится.

Круглый стол провели Гаянэ САРМАКЕШЯН, Зара ГЕВОРКЯН, Тигран МИРЗОЯН